

ПОЦЕЛУЙ ФЕИ

И хотя могу понять
Думы тайные твои,
Но не в силах больше я
Молча оставаться здесь.
Много, много тысяч раз
Думала пойти я в путь
За тобою, милый мой,
Но ведь тело у меня
Слабой женщины, увы!
Потому бессильна я...
Спросят стражи на пути,
Будут мне чинить допрос,
Я не знаю, что сказать
И какой держать ответ,
Отчего, собравшись в путь,
Медлю я идти к тебе...

*Каса Канакура,
японский поэт седьмого века*

Она еще раз посмотрела в сторону светившегося окна. Сквозь легкие занавески отчетливо просматривались две мужские фигуры. Один мужчина был гораздо выше другого. Это и был как раз тот самый нужный ей человек. Уверенным, отработанным движением она подняла снайперскую винтовку. Главное в таких случаях — не торопиться. Опыт приходит с годами, и она вдруг подумала, что может считать себя опытным киллером. Этим ремеслом она занималась уже более двух лет. Мужчина подошел к окну, словно по ее заказу, и безмятежно встал около него. Очевидно, он ни о чем не подозревал. Значит, смерть будет для него неожиданной и легкой.

Женщина закрыла глаза. Она никогда не молилась в таких случаях, считая богохульством просить у Бога помощи в исполнении

смертного приговора. Нет, она молилась потом, уже позже, искренне обращаясь к Богу и каждый раз прося у него кары только для себя. Только для себя, истово твердила она, пытаюсь хотя бы таким способом обмануть судьбу и подставить под ее разящий удар лишь собственную жизнь. Но Бог не отвечал ей. То ли он молчаливо соглашался с этими приговорами, понимая, что она берет на себя некую санитарную функцию по уничтожению хищников. То ли просто выжидал, наблюдая, когда именно можно будет вмешаться. То ли его вообще не существовало, и она сама была и безжалостным палачом, и собственным судьей в одном лице. Она это не могла знать. Но подсознательно чувство вины всегда давило на нее, не отпуская с самого первого момента, с самого первого шага.

Она прицелилась, уже зная, что наверняка попадет с первого же выстрела. Правда, она всегда стреляла дважды. Это был ее своеобразный фирменный знак. Она успевала выстрелить в уже падающее тело второй раз и потом с удовлетворением читала

в газетах, что вторая пуля входила в тело уже убитого человека. Но второй выстрел был нужен как контрольный. При этом первая пуля вонзалась в сердце, а вторая в голову, что обеспечивало идеальное выполнение любого заказа. Как много времени прошло с тех пор, как она научилась вообще выговаривать это слово — «заказ». Во всем мире подобные действия назывались убийством. И она поначалу так и называла все свои «упражнения» с винтовкой, отчетливо сознавая, что является убийцей. Но постепенно, со временем, четкое выполнение поручений стало для нее нормой, и она уже не комплексовала при слове «заказ», считая его таким же естественным, словно ей заказывали пиццу или место в парикмахерской.

За спиной послышался шорох, и она чуть повернула голову. Это бродила кошка, неизвестно каким образом оказавшаяся на этой стройке. Она встала рядом, чуть изогнув спину, готовая спастись бегством в случае малейшей опасности. Очевидно, это была ее территория, и она совсем не радовалась незваной гостье. Женщина улыб-

нулась животному. Их взгляды встретились. У обеих были немного напряженные, испуганные глаза. Она всегда волновалась перед выстрелом. Как тогда, в первый раз. Она снова прицелилась. Теперь нужно стрелять.

И в этот момент она снова услышала шорох за спиной...

Он возвращался домой в подавленном настроении. Хотя определение «подавленное» здесь не вполне уместно. На самом деле он ощущал себя совершенно опустошенным. Горечь от страшного известия уже успела осесть в мозгу, пробившись сквозь все его переживания, и в душе оставалась лишь гулкая пустота да теплившееся где-то в ее уголке щемящее чувство тревоги.

Оставив автомобиль во дворе, рядом с подъездом, он подошел к дому и привычно набрал цифры кода. В последние дни входная дверь в подъезд иногда плохо срабатывала: то ли барахлил замок, не фиксирующий все цифры, то ли ослабли пружины в кодовом устройстве, но иногда цифры приходилось набирать по несколько

раз. Обычно это его ужасно раздражало. Но сегодня он покорно набрал цифры второй раз, не чувствуя ничего, кроме усталости. И когда дверь снова не открылась, терпеливо набрал код в третий раз, после чего замок наконец сработал и он вошел в подъезд. На пятом этаже лифт бесшумно замер, и он подошел к своей двери. Подняв руку, уже хотел позвонить, но непонятная сила удержала его. Он тяжело вздохнул, повернулся, сделал несколько шагов, сел на лестницу и, вынув сигареты, закурил. Так он сидел на ступеньках и курил одну сигарету за другой. Потом услышал шаги внизу — это поднимался кто-то из соседей. Потушив последнюю сигарету, он мрачно смотрел на пожилого соседа с шестого этажа, всегда предпочитавшего подниматься наверх пешком, не пользуясь лифтом. Сосед где-то прочел, что подобные физические нагрузки очень полезны, и теперь ходил на свой этаж только пешком. Замедлив шаги, он с удивлением посмотрел на своего соседа, стоявшего у двери, заметил несколько окурков на ступеньках.

— Добрый вечер, Юрий Алексеевич, — вежливо поздоровался сосед, не скрывая своего изумления.

— Добрый вечер. — Теперь ему ничего не оставалось, как позвонить в дверь. И он, чувствуя на своем затылке удивленный взгляд пожилого соседа, нажал на кнопку. Дверь открылась почти сразу, словно жена ждала его звонка. Он вошел в квартиру и быстро закрыл за собой дверь.

— Здравствуй, — сказала жена, испытующе глядя ему в глаза.

— Здравствуй. — Он заставил себя улыбнуться, но улыбка получилась вымученной.

В холл выбежал сын, застегивая на ходу куртку.

— Здорово, — крикнул он на ходу, — я побежал. Меня уже ребята ждут.

— Когда ты вернешься? — повернулась к нему мать.

— Через два часа. Ну, мама, ты же все знаешь. Нас развезет по домам тренер, как обычно. Пока.

Он выбежал из квартиры, хлопнув дверью. Жена опять посмотрела на Юрия. Заме-

тила, что он все еще стоит, не сняв плаща, но ничего ему не сказала, а повернулась и прошла в гостиную. Он долго раздевался, поправлял волосы, затем зашел в ванную. В квартире имелись две ванные комнаты. Одна у входа — для гостей и вторая, большая, рядом с их спальней. Он всегда пользовался большой, но на этот раз помыл руки в той, что у входа. Она удивилась, что он изменил своей привычке, но опять ничего не стала спрашивать.

И лишь когда он вошел в гостиную и устало опустился в кресло, она наконец позволила себе задать вопрос:

— Ты будешь ужинать?

— Нет.

Она помолчала. Обычно жена может понять настроение мужа по его ответам. Хорошая жена чувствует это по выражению его лица. Очень хорошая может уловить настроение супруга, даже находясь в другой комнате. По звуку его шагов, по его голосу, по его движениям. Его супруга относилась именно к последней категории. Но именно поэтому она не стала добивать его прямым вопросом. Просто спросила:

— Все так серьезно?

— Да. — Он не хотел лгать. А сегодня просто необходим был человек, которому он мог бы сказать правду.

— Все очень плохо, — признался он, — все кончено.

Она под села к нему. Они были красивой парой, на них часто оборачивались на улице. Он был высокого роста, широкоплечий, бывший волейболист, правда, не завоевавший особых призов, но успевший получить звание мастера спорта. Ему было тридцать восемь лет. Четкие, правильные черты лица, светлые волосы, голубые глаза. Он до сих пор нравился женщинам. Она тоже была в прошлом спортсменкой и занималась биатлоном. Только в отличие от него добилась куда больших успехов, сумев несколько раз стать чемпионкой страны и даже отличиться в эстафетной гонке на чемпионате мира, когда их команда одержала победу. Но это было давно, в другой жизни. Ей предрекали большое будущее, но, когда она вернулась с чемпионата мира, все внезапно оборвалось.

В тот роковой день они отмечали ее победу в загородном ресторане, и Юрий выпил довольно много, хотя знал, что ему придется вести машину. В результате он не удержал автомобиль на скользкой дороге, врезался в столб, и она попала в больницу с переломами обеих ног и шейки бедра. Ей было двадцать четыре года. Врачи сделали все, что смогли. Они поставили ее на ноги. Но о чемпионатах и о выступлениях она должна была забыть навсегда. К тому же вскоре у них родился сын. С тех пор она сидела дома, благо муж сумел обеспечить им вполне достойный уровень жизни. После той аварии прошло около двенадцати лет, но Юрий до сих пор испытывал острую вину за ту злополучную аварию. Наверно, так и было на самом деле, но она за все эти годы ни разу не позволила себе упрекнуть его.

— Что случилось, Юра? — спросила она, устроившись рядом с ним.

— Меня уволили, — вздохнул он, — все кончено. Они закрывают банк. Сегодня меня пригласил Вадим Александрович. Ты же знаешь, как он ко мне относится. Вот он

первым мне и объявил об этом. Банк закрывают через две недели, но уже с сегодняшнего дня они начали сокращение штатов.

— Он что-нибудь обещал?

— Что он может обещать? — горько спросил Юрий. — В банке долгов на сто сорок миллионов долларов. Хорошо еще, если шефа не посадят. Прокуратура уже начала проверку. Говорят, что Вадим Александрович хотел уехать за рубеж, но ему не разрешили покидать страну до окончательного завершения дела.

— Меня не волнуют его проблемы, — ровным голосом сообщила жена. — Я хотела бы знать, что будет с нами.

— Ничего не будет, — вздохнул Юрий, — нужно искать работу. Ничего, найду что-нибудь другое. Посмотрим, сейчас везде нужны специалисты.

Она удержалась от комментариев. Юра закончил строительный институт и до начала девяностых годов был обычным чиновником в министерстве, пока не осознал необходимости резкой смены сферы своей деятельности. Вадим Александрович был

другом его отца, он и предложил Юрию работу в его компании, которая была зарегистрирована еще в бывшем Советском Союзе. Строительный бум, начавшийся в столице в начале девяностых, позволил компании не только получать небывалые доходы, но и преобразовать ее позднее в крупный банк, занимавшийся вопросами выдачи ссуд на строительство.

Юрий был известен в банке как человек близкий к Вадиму Александровичу. К середине девяностых он получал уже довольно солидную зарплату и очень неплохие дивиденды от денег, вложенных в этот же банк. Но все когда-нибудь должно было кончиться.

Строительный бум постепенно начал угасать. Новые дома, понастроенные повсюду в огромных количествах, никому не были нужны. Цены на квартиры давно зашкаливали за все мыслимые пределы и превышали разумные цены. Для большинства нормальных людей квартиры были не по карману. К тому же выяснилось, что новые дома построены с большими недостатками, а когда рухнул один из них, разразился настоя-

щий кризис. Многие не хотели переезжать в эти дома, цены стремительно пошли вниз, и в результате ряд строительных компаний и связанных с ними банков стали разоряться. Что, собственно, случилось и с банком, в котором работал Юрий.

— Конечно, найдешь, — с воодушевлением подхватила жена, — ты у меня такой умный.

Он с подозрением посмотрел на нее. Ему не понравилось ее воодушевление.

— Думаешь, не найду? — спросил он. — Думаешь, меня там только из-за Вадима Александровича держали?

— Ничего я не думаю, — вздохнула она, — я в тебя верю. Ты у нас всего добьешься.

Она взяла пульт управления и включила телевизор. На экране появились смеющиеся люди. Шла какая-то непонятная передача, причем больше всех смеялся и веселился сам ведущий, не замечая мрачных лиц сидевших вокруг него людей. Он, похоже, получал удовольствие от самого себя и даже не думал о зрителях.

— Сколько у нас денег? — внезапно спросил Юрий.

— Ты же знаешь, — неуверенно ответила она, — на счету у нас около восьмидесяти тысяч. И дома тысяч пятнадцать или шестнадцать.

— Про счет забудь, — нахмурился Юрий, — деньги придется внести за кредит, который мы взяли на строительство дачи. Да еще остались должны около ста двадцати тысяч. Это проклятая дача съела все наши сбережения.

Они строили дачу в элитном поселке, где их соседями были весьма известные банкиры и политики. Дача обошлась почти в полмиллиона долларов. На нее ушли почти все их деньги, накопленные за последние несколько лет успешной работы Юрия в банке. Дача была еще не достроена, но кредит нужно было возвращать.

— Можно будет продать дачу, — рассудительно сказала жена.

— Катя, ты с ума сошла! — повернулся к ней муж. — Как это продать? Ты же знаешь, каких трудов мне стоило выбить там участок.

— Где мы возьмем деньги? — спросила Катя. — Ты же говоришь, что нам нужно вернуть кредит.

— Разберемся, — махнул рукой Юрий. Она отчетливо услышала в его голосе не очень уверенные нотки.

— Да, — согласилась она, — конечно, разберемся. Ты, главное, не волнуйся. Все у нас будет в порядке.

Она встала и вышла из комнаты. Через пять минут он вошел в кухню и встал у порога.

— Катя, — позвал он жену, — Катя!

— Что? — обернулась она к нему.

— Сколько мы тратим в месяц?

— Тысячи две-три. Ну, это необязательно — тратить столько. Можно сократить все траты наполовину.

— Да, — мрачно сказал он, — наполовину.

Юрий прошел в спальню и долго стоял у зеркала, словно пытаясь найти в своем лице какие-то новые черты. Потом, подумав немного, решил не переодеваться в спортивный костюм, в котором обычно ходил дома, а, махнув рукой, прошел в гостиную и опять

устало сел в кресло. Вскоре туда же пришла и Катя.

Она была младше его на три года, но все еще сохранила стройную спортивную фигуру, привычную короткую прическу спортсменки. Ее лицо немного портил тяжелый подбородок и слегка вздернутый нос, но она была по-своему приятной женщиной. Особенно выделялись ее большие миндалевидные глаза. Очевидно, среди ее предков были и представители азиатских народов, недаром ее мать была родом из Бурятии.

Она снова села рядом с ним, словно чувствуя, что именно сейчас она нужна ему более всего. Он мягко сжал ее руку.

— Я боюсь, — вдруг признался он.

— Ничего. — Она ответно сжала ему руку. — Ничего, — повторила она, понимая его состояние. — Как-нибудь выкрутимся. У нас ведь все нормально. Одна наша дача стоит несколько сотен тысяч долларов. Квартира у нас большая. В крайнем случае будем сдавать квартиру, как моя сестра. Все равно можно будет жить нормально. Ни о чем не думай. И кредит вернем, и все будет как нужно.

— Да, — уныло согласился он, — как-нибудь устроимся.

Он даже не предполагал, как тяжело было ей. Она знала своего супруга гораздо лучше, чем он знал сам себя. И отчетливо понимала, что отныне, именно с этого дня, их нормальная жизнь кончилась. Никто и никогда больше не возьмет Юрия на столь высокооплачиваемую работу. Более того, никто не позволит человеку со столь средними способностями работать в своей компании. Все было кончено. С этого дня все пойдет по-другому. Отныне им будет трудно. Но даже она не могла представить себе, насколько разительно все переменится.

Все оказалось совсем не так, как они предполагали. Сначала выяснилось, что с набежавшими процентами они должны выплатить не сто двадцать, а сто тридцать две тысячи долларов. Дачу пришлось срочно продавать. А поскольку они спешили, в результате получили намного меньше, чем рассчитывали, всего около четырехсот тысяч долларов. Хотя, по самым прибли-

зительным оценкам, если бы им удалось достроить свой загородный дом, они смогли бы рассчитывать на гораздо бóльшие деньги. После выплаты всех долгов осталась вполне приличная сумма, которой можно было разумно распорядиться, обеспечив себе довольно сносное существование.

Но Юра решил рискнуть...

Он вложил почти все имевшиеся деньги в страховую компанию, решив, что может начать собственное дело. Но эта компания не имела четкой программы и своего круга клиентов и довольно скоро развалилась, никакого дела у Юрия не получилось. Так что после выплаты очередных долгов выяснилось, что единственная ценность, которой они еще располагали, был их автомобиль. Впрочем, его тоже вскоре пришлось продать. И опять за меньшую сумму, чем они рассчитывали.

Она уже понимала размеры надвигающейся катастрофы, но Юрию нелегко было смириться с мыслью о собственной никчемности. Он все еще пытался доказать ей и прежде всего самому себе, что способен

чего-то добиться, сделать какие-то самостоятельные шаги. Примириться с мыслью, что он все последние годы процветал только благодаря покровительству Вадима Александровича, было унижительно и неприятно. И он никак не желал и не мог примириться с этим. И именно поэтому решил пойти ва-банк, используя последние деньги.

Катерина не пыталась его отговорить. Она понимала, что это его единственный шанс самоутвердиться. Отказать мужу в этом шансе означало не просто оскорбить его, а оттолкнуть на всю жизнь, посеять в нем семена неуверенности и сделать его хроническим неудачником. И, понимая все мотивы его поступков, чувствуя его состояние, она, когда он изложил ей свой очередной план, согласилась с ним. На этот раз он решил вложить деньги в туристическую фирму. Ему казалось, что теперь-то он почти застрахован от неудачи. Фирма была уже раскручена, довольно известна в городе и приносила солидную прибыль ее основателям. Один из них переезжал в Америку и поэтому продавал свою долю, составляв-

шую ровно половину уставного капитала фирмы, что-то около двухсот тысяч долларов. Но у них не было таких денег.

Оставался последний выход. Они сдали квартиру, заключив договор на десять лет и получив деньги за три года вперед. Это составило около двухсот тысяч долларов. За квартиру им платили семь тысяч долларов в месяц. На оставшиеся деньги они сняли небольшую двухкомнатную квартиру на окраине города. Сыну пришлось уйти из хоккейной секции, куда он ходил. Ей пришлось приучаться к экономии: искать в магазинах более дешевые продукты и находить замену некогда любимым деликатесам.

Поначалу дела действительно пошли неплохо. Первые четыре месяца принесли Юрию солидную прибыль. А затем сбежал его компаньон, владевший второй половиной уставного капитала. Самое печальное заключалось в том, что он захватил с собой деньги сразу трех экскурсионных групп. Туристическую фирму немедленно закрыли, прокуратура возбудила уголовное дело. Пришлось возвращать все деньги, похищен-

ные у трех групп, занимать, продавать все оставшиеся ценности.

В самое трудное время помог Вадим Александрович, одолживший пятнадцать тысяч долларов, чтобы Юрий смог выплатить украденные деньги. Прокуратура закрыла дело на Юрия Алексеевича лишь тогда, когда он внес всю сумму. Его компаньон был объявлен мошенником, и уголовное дело в отношении его продолжало быть открытым. Но самому Юрию от этого было не легче. Он остался в двухкомнатной квартире без денег, практически без средств к существованию, сломленный неудачами и имеющий пятнадцать тысяч долларов долга. И это было все, чего ему удалось добиться за полгода, прошедших после закрытия банка.

В последние дни он пристрастился ходить в казино, надеясь на безумную удачу, которая поможет отыграть утраченные деньги. Но в казино, где все давно было математически просчитано, он постоянно проигрывал, не в силах совладать с этой безжалостной системой. Охваченный азартом, он уносил

из дома последние деньги, уверяя, что в этот вечер ему непременно повезет. И тут у него неожиданно появились большие деньги, и жена не могла понять, откуда они. В карманах мужа Катя нашла несколько пачек сто-долларовых купюр. Она держала их в руках, абсолютно не понимая, откуда у Юры могла оказаться такая крупная сумма. В их положении это было целое состояние. И она стояла, мучительно раздумывая над этим, когда раздался телефонный звонок.

— Добрый вечер, — услышала она знакомый голос.

— Здравствуйте, Вадим Александрович, — обрадовалась Катя. — Как ваши дела? Жаль, что Юры нет дома. Он всегда рад вашим звонкам.

— У меня дела, к сожалению, не очень. До сих пор с долгами не рассчитаюсь. А твой Юрка молодец. Я его недооценивал. Когда деньги давал, думал, что в колодец бросаю, пропадут и не вернуться. А он молодец, все деньги мне прислал, и еще с запиской, чтобы я извинил его за задержку. Признаться, я и не ожидал. Молодец Юрий, — снова

повторил Вадим Александрович, — он оказался гораздо крепче, чем я думал. Сумел все-таки справиться.

— Деньги? — удивилась она. — Какие деньги?

— Должок его, — пояснил Вадим Александрович. — Я мог бы подождать и еще, но сегодня он прислал мне все деньги. Передай Юре, что я всегда готов ему помочь. Или лучше передай ему, чтобы позвонил мне, когда придет. Я сам все ему скажу.

— Он вернул наш долг? — задыхаясь, спросила Катя, все еще не веря в случившееся.

— В том-то все и дело, — радостно пояснил Вадим Александрович. — Очень удачно все получилось. Мне как раз нужны были деньги.

— Да-да, конечно, — торопливо сказала она, — наш долг. Он вернул. Извините меня, Вадим Александрович, я должна готовить ужин. Я передам, что вы звонили.

— До свидания. — Он положил трубку, и она устало прислонилась к стене. Столько денег в доме, да еще возвращенный долг раз-

мером в целое состояние — пятнадцать тысяч долларов. Откуда у Юрия такие деньги? Неужели ему так повезло в казино? И он ничего не сказал ей. А может, что-то другое? Неужели ему все-таки повезло и он выиграл их? Или же получил из другого источника... Из другого?!

Внезапная догадка осенила ее, и она бросилась к телефону. Через десять минут она уже знала все. Муж использовал последний шанс. Он продал квартиру, которую они сдали на десять лет. Продал фирме, занимавшейся недвижимостью, фактически за бесценок. Она растерянно опустила руки, не в силах даже заплакать. Ведь эта квартира — единственное, что у них оставалось. Единственная возможность хоть когда-то в будущем выбраться из того состояния, в котором они оказались, и дать приличное образование сыну.

В карманах пальто лежали три пачки долларов. Тридцать тысяч. Она спрятала эти деньги, твердо решив не отдавать их мужу.

Юрий вернулся в этот вечер позже обычного. Мальчик уже спал. Теперь он

спал в столовой, а в другой комнате была их спальня. Юра пришел не просто поздно, он пришел навеселе, что в последнее время случалось чаще обычного. И, войдя в дом, прежде всего стал искать деньги в карманах своего пальто, висевшего на вешалке. Не найдя денег, он пришел в ярость. Буквально ворвался на кухню и в бешенстве потребовал деньги.

— Откуда они у тебя? — Катя все еще пыталась сохранить хладнокровие.

— Не твое дело, — отрезал он, не пытаюсь даже перейти на нормальный тон. В этой квартире были тонкие стены, и она с ужасом подумала, что проснувшийся мальчик может услышать их спор.

— Я все знаю, — сказала она.

— Что ты знаешь?..

— Я все знаю, — повторила Катерина, глядя на мужа. — Как ты мог продать нашу квартиру? Ты ведь знаешь, что это был наш последний шанс. Там оставалось столько наших вещей!

— Их нам вернут, — неожиданно тихо сказал он и, пройдя к столу, сел, с тру-

дом помещаясь в небольшом пространстве кухни. Она была не больше шести метров, и кроме дешевого польского кухонного гарнитура в ней стояли газовая плита, небольшой столик и две табуретки. Чтобы пройти на кухню, приходилось протискиваться между стоявшим в коридоре холодильником и стеной. Ей казалось, что это временно. Теперь она понимала, что это навсегда.

— Почему ты продал квартиру? — обреченно спросила Катя.

— Не говори глупостей. — Он сидел за столиком, положив обе руки перед собой. Светлые волосы, его красивые волосы, которыми прежде он так гордился, теперь потемнели и как-то неприятно поблекли. Даже его знаменитые голубые глаза стали теперь водянистого, неопределенного цвета. Он решительно мотнул головой, словно отменяя ее сомнения.

— Где деньги? — монотонно спросил он.

— Я их спрятала, — честно призналась Катя. — Отвезла в другое место, — быстро добавила она, сообразив, что он в таком состоянии начнет искать деньги и разбудит

спящего сына, которому завтра нужно рано вставать в школу.

— Куда отвезла? — вскочил он со стула, больно ударившись об шкаф. Это разозлило его еще больше. — Куда? — закричал он, теряя всякое терпение. Очевидно, сегодня он крепко проигрался и теперь горел желанием отыграть хотя бы часть проигрыша. Но Катя в ответ только отрицательно покачала головой.

— Не важно, — твердо сказала она. — Денег в доме нет.

И тогда он шагнул к ней и ударил ее по лицу. Ударил сильно и расчетливо больно. Ударил первый раз в жизни. Она не вскрикнула, не увернулась, не заплакала. Просто стояла и смотрела ему в глаза. Очевидно, он что-то понял, не стал больше ничего говорить, а только повернулся, снова больно ударившись, на этот раз о край стола, и вышел из кухни. Через несколько секунд раздался громкий стук закрывшейся входной двери.

Когда мужчина бьет женщину, это всегда ярость труса. Садисты, составляющие не-

большой процент мужей, получают от этого удовольствие, реализуя свои наклонности. Еще более редким мазохисткам нравится подобный способ общения. И если мужчина предпочитает решать споры кулаками, это значит, что никаких других аргументов у него уже не осталось. Всегда это проявление его очевидной слабости. Настоящий мужчина никогда не позволит себе ударить женщину. Катя это понимала. Юрий все-таки не выдержал, сломался под ударами судьбы. Ей стало ясно, что отныне он переступил в собственном развитии через некую черту, после которой начинается неуклонное падение. И, поняв это, она застонала. Ей не было больно, хотя он ударил ее достаточно сильно. Ей было страшно за Юрия.

И только тогда на кухне появился их сын, уже давно проснувшийся от криков отца. Она обняла его и, не выдержав, заплакала. Первый раз за столько лет. Она плакала беззвучно и неудержимо, как когда-то очень давно, когда в результате глупой аварии, случившейся по вине мужа, оказалась навсегда отлученной от большого спорта.